

Американский театр сегодня

НЫНЕШНИЙ театральный сезон в Соединенных Штатах Америки, который близится к концу, не изменил положения: в американском театре все определяется погой за прибылью. Критерием провала или успеха спектаклей по-прежнему служат только доллары, приносимые режиссерам, драматургам и владельцам театров той или иной постановкой.

В журнале «Вэрайти», органе американского «зрелищного бизнеса», 27 апреля на видном месте помещен следующий кричащий заголовок: «Новые боевики на Бродвее». Это означает, что некоторые новые пьесы приносят хорошие барыши. Далее «Вэрайти» пишет: «Хотя против обыкновения в этом году целый ряд пьес с треском провалился, 14 пьес принесут, по-видимому, прибыль». Подводя итог прибылей, журнал показывает, что за неделю на представлениях этих 14 пьес было продано билетов на 703.797 долларов.

Недавно газета «Нью-Йорк геральд трибун» сетовала на то, что с 1 января 1960 года были сначала поставлены, а затем быстро сняты со сцены 13 пьес. В результате «по самым скромным подсчетам, более 1.250.000 долларов оказались пустыми на ветер».

Один из преуспевающих бродвейских режиссеров — Артур Кэнтор заявил 23 апреля в интервью корреспонденту «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан», что американский театр — это «слишком рискованный бизнес». Затем он откровенно добавил: «Коммерческий фактор воздействует на большинство драматургов, композиторов и театральных директоров. В наше время — это крупные предприниматели. Они не могут не думать о больших деньгах. Если они видят пьесу, которая кажется им хотя бы в малейшей степени экспериментом, они склонны немедленно отвергнуть ее ради «апробированной и надежной».

В нынешнем сезоне к числу «апробированных и надежных» можно отнести целый ряд пьес, начиная от музыкальных комедий и спектаклей на сексуальные темы до пьес, не имеющих ничего общего с реализ-

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

мом. Появилась также новая тенденция: постановка пьес «биографическо-политического» характера, которые либо основаны на биографиях действительно существовавших или существующих людей, либо повествуют о внутренних политических махинациях в Соединенных Штатах.

Это, однако, не означает, что на Бродвее нельзя увидеть хороших пьес и спектаклей. К числу их, бесспорно, относятся постановка пьесы Лоррен Хэнсбери «Июминка на солнце», рисующая жизнь американских негров; изысканная музыкальная комедия «Май фэр леди»; легкая и приятная, идущая с большим успехом музыкальная комедия «Человек музыки».

К этим пьесам, уже не одия сезон идущим в театрах, следует добавить спектакль «Возьми меня с собой» — музыкальную переработку пьесы Юджина О'Нейла «В пустыне», которая рассказывает о юноше-романтике, живущем в маленьком американском городке. Вот, пожалуй, и все, что можно положительно оценить.

Возьмем, к примеру, пьесу «Десять человек», написанную известным драматургом, автором «Марти», Пэдди Чаевским. Автор пытается доказать, что любовь к людям играет очень большую роль в жизни и что вера в идеалы лучше, чем нигилизм. Но Чаевский доказывает свой тезис странными методами, прибегая к мистике, смакуя дикие религиозные ритуалы. События разворачиваются в небольшой разрушенной синагоге на Лонг-Айленде, где подвизаются надломленные жизнью старики; среди них и молодой раввин — законченный циник. Другие действующие лица пьесы — 18-летняя безумная дочь одного из прихожан, которая, по словам ее деда, находится во власти демона, и молодой человек, не верящий ни в бога, ни в демона и ни во что другое. «Жизнь совершенно бессмысленна», — утверждает он. Его приводят к

улицы, чтобы он принял участие в церемонии изгнания демона. Для церемонии требуется десять человек, а в синагоге их только девять; он и есть недостающий «десятый человек».

Все кончается совершенно неожиданно. В результате дикого ритуала заклинания духа изгоняют не демона, завладевшего душой безумной девушки, а демона убийственного нигилизма, похитившего душу молодого человека. В заключение герой восклицает, что теперь он посвящает себя любви и помощи этой безумной девушке, а старый раввин провозглашает: «Лучше верить в демонов, чем не верить ни во что».

В этой пьесе, так же как и в других вещах, Чаевский умело и ярко рисует человеческие характеры, благодаря чему на сцене эта сказка производит впечатление реалистического и гуманистического произведения, хотя на деле это только компромисс с реальностью.

СИЛЬНЫЕ антиреалистические тенденции в современном американском театре можно сравнить с модным увлечением абстрактной живописью. Подобно тому как эта маэля создается путем беспорядочного распыливания и разбрызгивания краски или разбрасывания кусков разбитого стекла по полотну, авторы некоторых пьес «нового направления» достигают эффекта, вольно бросаясь словами и фразами, обычно уступаая свою речь непристойностям. В этом сезоне в бродвейских и небродвейских театрах было поставлено несколько таких пьес, дышащих цинизмом и озлобленностью.

Наиболее ярким примером может служить пьеса покойного французского драматурга, лауреата Нобелевской премии Альберта Камю «Калигула». Эта пьеса, о которой широко оповещали в анонсах, как об одном из самых знаменательных событий театрального сезона 1959/60 года, была поставлена и исполнена труппой блестящих актеров. Камю написал «Калигулу» в 1938 году, когда ему было 25 лет, когда, вероятно, можно было провести параллель между чудовищем, которое

он рисовал, и Гитлером. Однако в 1960 году злодей Калигула, который презирает человечество и желает несбыточного, убивая, грабя и унижая всех, кто окружает его, не может вызвать у зрителя ничего, кроме ужаса.

Но бродвейская аудитория нашла «страсть Калигулы к несбыточному смертельно скучной», и после 38 представлений, большей частью при пустом зрительном зале, пьеса «Калигула» была снята.

Другие же аналогичные пьесы все еще ставятся и делают сборы. Например, одноактная пьеса Семюэля Бекетта «Последняя пленка Крэпла», в которой участвует только один актер и магнитофон. Старый писатель-неудачник мечется по сцене, ест бананы и спорит с магнитофонными пленками, которые он сам записал, когда был молод. Кульминационный момент наступает тогда, когда он слушает пленку, на которой он сам трагически описывает свое любовное похождение в далеком прошлом, и его охватывает приступ дикой зависти.

Следует сказать также и об одноактной пьесе «Около зоопарка», написанной более молодым представителем школы Бекетта по имени Эдвард Элби. Это пасквиль на человечество, и разыгрывается он двумя людьми, сидящими на скамье, близ зоопарка Центрального парка в Нью-Йорке. Один из них — уважаемый книжный издатель, другой — бродяга-исконпат. Говорит главным образом бродяга: захлебываясь от злости, он поносит издательность и respectability издателя, разглагольствуя о своем одиночестве, нищете и вырождении. В заключение бродяга улакает хитростью всучить издателю нож, на который он нападается и убивает сам себя.

САМЫМ ярким образцом такой драматургии может служить пьеса полностью деградировавшего французского драматурга Жана Жене «Балкон». Эта пьеса, как и судьба ее автора, вызвала широкую дискуссию среди американской интеллигенции. «Балкон» — название публичного дома. Пьеса идет в известном нью-йоркском театре «Круг на площади», где нет сцены. Действие происходит прямо в зале, и публика сидит вокруг актеров.

С самого начала публика встречается с тремя постоянными посетителями «Балкона», Первый из

них (соответственно правилам «Балкона», по которым каждый посетитель может выдавать себя за кого угодно) выдает себя за епископа, второй — за судью, а третий — за наполеоновского генерала. Вскоре зритель знакомится и с другими персонажами: полуобнаженными проститутками, из которых одна изображает грешницу, кающуюся епископу, другая — воровку, а третья — лошадь наполеоновского генерала. В пьесе чудовищное нагромождение событий: сначала издали доносится пулеметная пальба, и на сцене говорят о том, что «происходит революция». Действующие лица произносят бесконечные тирады, избитые нецензурными выражениями и пошлыми сентенциями, вроде: «жизнь — это длинные похороны», «революция — это игра», «вы мертвы, но вы красноречивы, потому что мертвы» и т. д. и т. п.

Во втором акте зритель наблюдает разгром «революции», формирование нового «правительства» в публичном доме, назначение «епископа», «судьи» и «генерала» на соответствующие должности в реальной жизни, провозглашение владелицы публичного дома королевой, заговор епископа, судьи и генерала против «героя» — начальника полиции, разгромившего революцию. В длинных, часто бессвязных речах и в совершенно непристойных выражениях они оскорбляют и поносят друг друга и все человечество.

Когда в театре наступает темнота, владелица публичного дома, обращаясь к публике, насмешливо говорит: «Теперь вы должны пойти домой, где все, можете не сомневаться в этом, будет еще более живо, чем здесь».

Некоторые пытаются найти в пьесе «Балкон» социальное и политическое содержание. Одни называют ее глубокой критикой диктатуры, другие — капитализма, третьи — социализма. Однако ясно, что дегенерат Жене глумится над теми, кто смотрит его пьесы или читает их.

Театральный критик «Нью-Йорк таймс» Брукс Аткинсон написал рецензию, в которой говорит, что не в состоянии объяснить эту пьесу, «ибо для того, чтобы ее объяснить, ее нужно сначала понять...».

БОЛЬШОЙ успех пьесы «Июминка на солнце», рассказывающей о жизни негров, послужил толчком к появлению двух других

так называемых «негритянских» пьес. Обе они быстро, с треском и заслуженно провалились.

Первая из них — драматическая обработка романа негритянского писателя Ричарда Райта — называлась «Долгий сон». Главные герои пьесы, действие которой разыгрывается на дальнем юге, — негр, владеец публичного дома, его сын, неизменная проститутка и негласный партнер владельца публичного дома — начальник городской полиции. Основная идея пьесы: если негр хочет преуспеть в жизни, он должен низкопоклонствовать перед белыми. Вторая «негритянская» пьеса называется «Холодный мир». В мрачных, откровенно натуралистических тонах автор рисует войну, которую ведет банда негритянской молодежи в трущобах Гарлема, населенных убийцами, наркоманами, продавцами наркотиков и, конечно, проститутками.

Объясняя, почему эти две пьесы очень быстро сошли со сцены, театральный критик журнала «Репортер» Мария Мэннес писала, что «изображать негров в театре как бандитов всерьез не лучше, чем делать их предметом насмешек».

НОВОЙ тенденцией в нынешнем театральном сезоне в Соединенных Штатах было появление пьес биографического и политического характера. Эти самые разнообразные по своему жанру пьесы, начиная от глупого фарса до серьезной драмы, пользовались различным успехом.

Недолго продержалась на сцене пьеса бывшего голландского режиссера Дор Шерн «Самое высокое дерево», посвященная проблеме запрещения ядерных испытаний на вечные времена и опасности радиоактивных осадков. Действие пьесы, название которой основано на народной поговорке «Если нужно забраться на дерево, лезьте на самое высокое», разворачивается в доме довольно богатой нью-йоркской семьи; глава этой семьи ученый-атомник, получил лейкемию в результате работы над водородными бомбами. Понимая, что ему остается прожить всего лишь шесть месяцев, он решает отказаться от работы и вступить в комитет, борющийся за прекращение ядерных испытаний,

По общему мнению всех видевших эту пьесу, ее главный недостаток в том, что автор слишком часто увлекается побочными мелодраматическими сценами, в которых герои решают мелкие семейные проблемы. Это не только снизило большую идею пьесы, но и помогло нью-йоркским театральным критикам торпедировать ее резко отрицательными рецензиями.

Другая новая пьеса на политическую тему — это веселая комедия под названием «Вся шайка в сборе», сюжетом для которой послужила жизнь покойного президента США Гардинга. Хотя эта пьеса, принадлежащая перу Джерома Лоуренса и Роберта Ли, написана в духе легкой политической сатиры, иногда ее жало возникает довольно глубоко. Мы видим продажных политических деятелей, открыто торгующих кабинетными назначениями и другими высокими постами. Они преднамеренно выдвигают слабого, тушумного кандидата, добиваются его избрания, а затем спокойно продолжают свою безудержную оргию продажности и взяточничества. «Вся шайка в сборе» — это не злая сатира. Она критикует лишь немногие стороны американской политической жизни. Но в то же время следует отметить, что авторы не пытаются обелить безобразные явления американской действительности.

Есть еще пьесы, идущие сейчас на Бродвее с большим успехом, которые также написаны на политические темы. Одна из них — музыкальная комедия Джерома Уэйлмана и Джорджа Эббота «Фиорелло», основанная на подлинных фактах жизни самого известного и глубоко чтимого покойного мэра Нью-Йорка Фиорелло Ла Гардиа. Авторы показывают Ла Гардиа в его молодые годы как начинающего адвоката, клиента которого были бедняки, как кандидата в конгресс, ведущего свою избирательную кампанию под лозунгом борьбы против засилья политических «бессов», как человека, который помогал бастующим устраивать пикеты и добиваться удовлетворения их требований.

(Окончание на 4-й стр.).

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

31 мая 1960 г.

3 стр.